

Александр ОЖИГАНОВ

(1944–2019)

ИЗ КНИГИ «ТРЕНОЖНИК»

Публикация, вступление Светланы Варкан-Ожигановой

Александр Ожиганов в 80-х годах (после книги «Баян», см.: «Волга», № 3-4, 2022) задумал книгу о греческих мифах «Треножник». Это не был эскапизм. Как объяснял А.О., «настоящий миф, никогда не был попыткой бегства от действительности, напротив: это попытка в этой действительности, в её основных проблемах – разобраться». Ему хотелось рассмотреть мифы и с религиозной стороны; показать, что греческие мифы – это не просто развлекательное чтение для школьников, а нечто гораздо более существенное и важное для понимания природы человека, истории, культуры. После знакомства с книгой «Треножник» в 1997 году А. Кушнер писал: «надо быть очень смелым человеком, чтобы всю книгу посвятить одной античности. На это у нас не решился ещё никто...» Читателям «Волги» предлагается первая часть этой книги.

*Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.*

О. Мандельштам

Посвящение

закатный свет. Старею и расту
одновременно: мудрость?.. безрассудство?..
Но первое (раскрывшееся) чувство –
последнему (опавшему) листу.

Диск Немезиды прынул в высоту
и в глубь судьбы, сметая словоблудство.
Верни же мне, бессмертное искусство,
мгновенной жизни смысл и красоту!

Пахнула книга прежнюю волшбой
и радостью свободного познания,
которые я должен разделить

с тобой,
клубочек одинокого сознания,
размотанный в связующую нить.

19 октября 1984

Эвринома

Эвринома танцевала на волнах
(пустота и темнота со всех сторон).
Извивался в холодеющих руках
ветер северный – огромный Офион.

Эвринома танцевала на волнах –
в пустоте и темноте – быстрее... быстрее! –
и змеился в холодеющих ногах
покрывающий кобыл большой Борей.

Эвринома танцевала на волнах,
пустоту и темноту сводя в кольцо
Офиона, дующего в пах.
и – голубкой на волнах! – снесла яйцо.

.....

и когда меня охватывает страх,
в пустоте и темноте опоры нет, –
напрягается Борей, и на волнах
Эвринома вытанцовывает свет.

Эвринома – мать всех вещей.

Колыбельная

Обронила желудь Рея.
Темнотой спеленут бог.
Амалфея, Адрастея
наклоняют Козерог.

Подозрительный и ветхий
всех заглывает Крон.
Но на ясеновой ветке
безопасен детский сон:

ни на небе, ни на море,
ни на краешке земель...

Не закрадывайся, горе.
в золотую колыбель!

3

Афина. Гера. Афродита –
и все заброшено, забыто,

и не сдвигаемые с места
кружат треножники Гефеста,

и брызжет пламенем Химера:
Афина – Афродита – Гера!

Страсти по Гомеру

Парис
поймал
яблоко
брошенное
Кипридой

Октябрь 1984

Гефест

1

Хромой Гефест мне всех богов дороже.
Мать недоноска с вытянутой рожей
швырнула в океан.

Но девять лет у теток в темном гроте
и в женской ласке, и в мужской работе
скрывал огонь Вулкан.

Браслет для Эвриномы и Фетиды,
заколки для любой океаниды.
А волоокой – трон,

с которого она уже не встанет,
пока не напоит и не обманет
ее сына Дион.

и тянется процессия на вазе:
менады, фавны и ослы в экстазе,
и боком на осле

трясется бог с кузнечными клещами,
стрижет Гермес крылатыми ногами,
и все – навеселе...

2

на Олимпе визг и вой:
Гера книзу головой

между небом и землей
(наковальни – ой-ей-ей! –
как брелоки на руках)
вывешана на пострах.

Во свирепствует Зевес:
не бог – бес!

3

Я очнулся на Лемне среди пастухов и овец.
Заступился за мать. Меня сбросил отец, не отец,
скособочен треножник. Шатается бронзовый век.
И змеится во тьме новый век, век вояк и калек.

Век стальных мечей и деревянных
костылей арийских дикарей,
век обожествляемых тиранов
или государств-концлагерей.

я себя ощупал, как спросонок:
тело то в ознобе, то в огне.
и пушистый маленький лисенок
разрывает внутренности мне!..

Ноябрь 1984

Гимн Гефесту

Хромой Гефест мне всех богов дороже
за то, что закален в морском огне...

Бог, сброшенный на Лемнос, обезножил,
но все же не кривил душой и не
хитрил, не гнул перед Кронидом спину,
не задира перед Кипридой нос
и, олимпийцем став – наполовину,
наполовину – в дно морское врос!

Подводной лавой мышц – чернорабочий,
сплетеньем сотен струек – чародей,
единственный из божьей стаи волчьей
не обижал животных и людей...
Кругами ковыляющий, как птица.
бог в горне разгребает зерна искр,
и что-то в нем русалочье искрится...
Надежность ремесла и зрелый риск
искусства.

Циклопическая кладка.
Клубок и нить. Пожалуйста, не рви!..
сплетает в лабиринте куропатка
огонь вулкана с пламенем любви.

3 декабря 1984

Афродите

Пенорожденная! ты завалила моря
грудами жертвенной соли.
но – малокровен! Аккорд за аккордом беря,
нажил мозоли,

тверже твоих олимпийских, Киприда, сосцов!
Каменным пестиком в ступке
девы толкут кроветворные кости отцов,
хлипкие, хрупкие,

и рассыпают над волнами, как семена
(горсти морского тумана)...

Числа – в табличках бесчисленных, **не** имена:
жизнь безымянна.

4 декабря 1984

Покров

«Я – светоч ночи, беспросветность дня –
одна я, не касайся покрывала.
Я все и всех по имени назвала.
Не называй по имени меня.

Я пламя вод с текучестью огня
смешала. Я себя в себе зачала.
Всему конец – я. Я – всему начало.
Не называй по имени меня.

Отпугивая всех и всех маня,
я, ничего не знача, означала
все. От молчанья своего кричала
я... Назовешь по имени меня?

Есть имя даже у простого пня
и очертанья – у медузы. Мало
меня мне. Я – всеильная – устала.
Так назови по имени меня.

Ну, кто я?.. *Кто я?!.* Тлела головня
в своем огне и все не истлевала.
Никто не разрывает покрывала
и не зовет – по имени – меня».

4 декабря 1984

Афродита Урания

«Хром и грязен твой брат, Арес:
кособокий, с косою саженью
плеч – из кузни в постель полез
и белье лишь испачкал – сажаю!

Я держу муженька в узде:
пусть ворочает – быдло – глыбами!
Слишком долго он мок в воде
с каракатицами да рыбами.

Разве эта зола – огонь?!
Я такое вздувала зарево.
что Хаос, как безумный конь,
на дыбы становился заново...

В чернь вливается голубой
цвет: злокозненной Эос происки!
Но еще не закончен бой –
до конца выполняй долг воинский.

Вепрю битвы ли – первым пасть
в соль мокрицей членистоногою?
На крови колосится страсть:
кровоточат – когда я трогаю! –

скалы... Ты! – торопись! Корабль
течь дает, не дойдя до порта...
Боже, на абордаж! Ограбь!
Лест-ни-цу пере-брось...

.....

...Распоротый –
в чаще юноша разделен
между мною и Персефоною...
Прости, Адон!
Смолкой мировой благовонною

раны рваные я залью,
чтобы длилась твоя агония.
Скоро встретит свою зарю
дочь любви и войны – Гармония».

6 декабря 1984

Тихо

Нарцисс
полюбил
Эхо:
свое отражение

8 декабря 1984

Данай

Уходит вода из худого кувшина,
клепсидрою – дочь Гипермнестра, Данай!
Не Муз, а сосущих Эмпуз Мнемозина,
должно быть, рожала. Но не вспоминай!

Вверх дном опрокинуты брачные игры:
не кровью невест обогрилась заря,
когда прокололи ливийские иглы
сердца, а не плевры, скользнув за моря!

А в Аргосе засуха (месть Посейдона!)
чуть не обернулась открытием жил,
но фавну в кустах не далась Амимона:
в скалу Водяной свой трезубец вонзил!

И – стоило вырвать трезубец! – источник
исторгся, Лернейскую Гидру поя...
Хотя все равно: ты – засохший листочек
на ветке, облупленной в жарких боях.

И все-таки жажда открыла ворота,
и в Аргос ворвались волной женихи.
Ливийские иглы, как стрелы Эроса.
пробили сердца, как тугие мехи

хохочущих фавнов. Так сестры-невесты
исполнили в спальнях отцовский завет...
Все Грации – Грайи! Но кровь Гипермнестры
огнем маяков полыхает, и нет

спасенья, Данай!
Как ни окунай
убийц – очищенья
нет жрицам Трех Грай:
гроздь ждет орошенья.

На каждой горе –
костры алтарей,

сухая клепсида:
взамен дочерей –
Лернейская Гидра.

И между огней
спасенный Линкей
и дочь Гипермнестра:
скорее старей –
на троне нет места!

Данай, без дождей
страна в нищете!..

И царская сила –
водой в решете –
лозу оросила.

15 декабря 1984

Орион

Орион – Урион.
Урожаю урон:
старый пахарь, говей,
если нет сыновей!

Старость. Бремя чудес.
Гости – Зевс и Гермес –
старца благодарят
(во сто крат, во сто крат!)
за кувшин молока:

«Дед, пожертвуй быка.
хорошо помолись,
в шкуру же помочись,
все концы завяжи,
в гроб жены положи,
и в положенный срок
народится сынок:
Урион – Орион!
Обойдя небосклон,
он дракона прошьет
и на землю прольет –
щедро! – дождь золотой,
чтобы встал налитой
колос жизни иной
из утробы земной!»

Обращенье к лучу:
«Чуя отчью мочу.

на ночной небосклон
стань, стрелок Орион!»

30 декабря 1984

Главковы кобылы

«Белый журавль
крылья раскрыл.
Вянущий лавр
снова ожил.

Гром колесниц
славит рапсод.
Главк кобылиц
крыть не дает.

Шлет их в луга
на ремешке.
Только бега
в глупой башке.

Пение птиц
со всех сторон...
“Главк, кобылиц –
на стадион!

Травы не рви –
выдай тайком
(руки в крови!)
жертвенный корм...”

Сена ли клок мясо мужей?
Боже, жесток
жалкий жокей!

Напою кобыл водою
из колодца своего,
накормлю их той травой,
что растет вокруг него:
Главк заплатит головою
за жестокости его!

Вот и выпита водица,
пережевана трава...
Что тебе, возница, снится
накануне торжества?
переломишься, как спица,
за попрянье естества!

Кобылицы чемпиона
с колесницы сбросят вниз,
понесут вдоль стадиона
и сожрут... Герой, проснись!

Афродите Андрофнос
приготовьте, судьи, приз!»

Май 1985

Анхиз

На траву ложится белый иней.
И с вершины Иды сходит вниз
Афродитой, Черною богиней,
ослепленный юноша Анхиз.

Пас овец на Иде царь Дардана.
И к нему, когда сгустилась мгла,
Афродита – светом осияна! –
молодой фригийкой прилегла.

Страсть – костер болезненно-веселый –
разгорелась в хижине простой.
И, сводя с ума, жужжали пчелы
до утра над странною четой...

Царь потом все примет за причуду
сна. Пиры. Осада Трои. Страх.
Странствия... И все-таки повсюду
и всегда – постылый шум в ушах!

До конца, рассеянный и квелый.
будет слышать он за пеленой,
как давным-давно жужжали пчелы
на вершине в хижине ночной.

24 мая 1985

Танталиды

1

Царь ты или не царь?
Солнце, Тантал, на алтарь!
Идолы Иды ветхи.
Но плодоносные ветки

за спиной – как венец.
Отец
сыну
сердце вынул!
Сердце. Солнце. Скала.
Все остальное – зола,
что бросает горстями
Матерь богов над морями.

2

А струйка дыма – пуповина
над горкой стынущей золы.
Эврианаса кличет сына.
Летают белые орлы.

Гора Сипил – в огне, вершина –
на дне озерном. День и ночь
Эврианаса ищет сына.
Еще жива Ниоба – дочь!

И самый старший – образина! –
еще охотится Бротей...
Эврианаса кличет сына,
любимейшего из детей!

Пастух сказал: «Нет господина...
И ночью волк задрал ягня!»
Эврианаса ищет сына
среди воды, камней, огня.

И повар ей сказал: «Куски на
пиру считать не повелось!..»
Эврианаса кличет сына:
«Пелопс! Пелопс! Пелопс! Пелопс!..»

Огонь погас. Темно и сыро.
И над обломками скалы
Эврианаса ищет сына,
летают белые орлы.

3

(Из мифографических записей)

«Коддинская скала на север от Сипила.
Храм одиночества, охотничьего пыла,
мистерий и страстей, сокрытых от людей.

Здесь вытесал уродливый Бротей
древнейшую из статуй

Праматери богов:
Лесную Триединую Гекату –
и был всегда удачлив зверолов.

Часть плодоносных сил сестре и брату
Бротей отдала Хозяйка всех зверей.
Мы ей не воздвигаем алтарей.
И потому пустеют наши кущи,
дома и пашни. Боги всемогущи.

Лидийский зверолов не почитал
озерную Волчицу – Артемиду.
И Тридарея выбралась на Иду.
Бротей перед Парфенией предстал
без страха. Вдруг удушливая тьма
сгустилась, и гордец сошел с ума!
Стена огня охотника спалила...

Коддинская скала на север от Сипила».

4
Шлет олимпийская злоба
стрелу за стрелой в полет...
И каменная – Ниоба
все-таки слезы льет!

Зевса не взять упреком.
И невозмутим палач.
Но торжествует над Роком
Плач, материнский Плач!

5
«Гермес сложил все части тела,
Клото соединила их,
Деметра же плечо, что съела
в беспамятстве среди других
богов, сторицею вернула,
Зевс волчий очертил оскал,
и Рея жизнь в меня вдохнула,
а Пан на радостях плясал!»

.....

Пелопс! колеса, втулки, оси
и скипетры – в крови... в пыли...
Лопатку из слоновой кости
по смерти в Пизе погребли.

Октябрь 1985

Груша

Горний
свет
Гиперион
грусть
Гельдерлина

19 октября

*Эригона
(парфени)*

1
«Милые девы,
качайте качели,
лейте на землю вино:
хмелю и хвое –
худое, лихое,
нам – благосклонность богов!

Первая жертва
багровой струею
льется на корни сосны:
кровь господина
чиста и невинна,
и белоснежны венки!

Милые девы,
начальница хора –
то наверху, то внизу:
смерть и рожденье –
двойное движенье,
круговорот бытия!

Вот застучали
сосновые шишки
по каменной земле,
но и паденье –
оплодотворенье,
звезд золотое зерно!

Милые девы,
качайте качели,
лейте на землю вино...
Отче Икарий,
чудовищной каре
не подвергай дочерей!

Дев деревянных
на ветках сосновых
ветер качает ночной...
Будь благосклонна
к живым, Эригона,
рощ Марафона звезда!»

2

«Отче Икарий
подносит по чаре
вина пастухам Марафона...

Дивная чара! –
двоится отара
в наплывах мерцания, звона!

Отче Икарий,
кричит и икает
пастушья ватага, хмелея...

А под ногами,
ворочая камни,
вздыхает могучая Гея!

Пыл перепалки!
Схватились за палки!
Убитого спрятали в хвое...

Милые дочери,
качайте качели
и лейте вино молодое!»

3

«Сыро и серо.
Но верная Мера
к утру прибежала в Афины...»

Плач Эригоны:
«Отец умерщвленный –
под слоем иголок и глины!
Кровью упиться!
Покамест убийца
священные топчет посевы, --
следом за мною
под светлой сосною
повиснут афинские девы!»

.....

«Горе нам, горе!
Убийцы за море
сбежали от божьего гнева...

Милые дочери,
качайте качели
вослед ионийским напевам!

Первые гроны –
отцу Эригоны!
Темнеет сосновая крона...

Гроздьями гнева
созвездие – Дева –
горит надо Псом Марафона!»

Октябрь-ноябрь 1985

Грона – кисть, гроздь.

Елена

1

Хор стариков:
«Нерукотворный храм,
сияющий среди телес и тлена,
что? – призрак или плоть? –
скажи, Приам!»

Приам:
«Елена».

Хор стариков:
«Среди боев, пиров,
жертв и жратвы, обмана и обмена –
тишайшее из вымолвленных слов:
Елена...

Как будто струны скрытые Эол
вдруг озарил –
протяжно и мгновенно, --
язык едва коснулся альвеол:
Елена...

Рассвет – закату,
Рассвет – закату,

юность – старикам
не передаст ни сил, ни тайн Вселенной.
С кем нет ни мира, ни войны,
Приам?»

Приам:
«С Еленой?..»

2

Эллины:
«Геллеспонт!
Ахиллес, выбирай:
справа – троянский фронт,
слева – семейный рай!

Кони на кораблях.
И в грозовой ночи
сеют смертельный страх
бронзовые мечи!»

Эллинам – Ахиллес:
«Брачной тройной стеной
Трою окружит лес
рук, отрубленных мной.

Кровью алтарь кропя,
сбросит эгиду град:
для моего копья
нет никаких преград!

Если же суждена
смерть, как сулит Кронид, --
Троя, моя жена,
вместе со мной сгорит!»

Эллины:
«Геллеспонт!
Одиссей, выбирай:
справа – троянский фронт,
слева – семейный рай!

Если сеет дракон
зубы, встает зерно,
киноварь, кардамон,
золотое руно!»

Эллинам – Одиссей:
«У дракона голов

двадцать!.. В борозды сей
соль с упряжкой ослов.

Боги судят хитро,
высоко, в облаках...
Истина есть добро
у меня в сундуках.

Но... в заморских краях
грекам не обойтись
без меня: это я –
хитроумный Улисс!»

Эллины:
«Геллеспонт!
Якоря выбирай.
Все на троянский фронт!
К черту семейный рай!

Наш Агамемнон – лев,
вепрь – Диомед лихой!
А азиатских дев
хватит на всех с лихвой!..

Крысы, Сова и Феб,
и – возница зарниц! –
Гелиос во главе
боевых колесниц!»

3

Елена – эллинам:
«Луна
ущербна, чаща непролазна...
На светлом золоте руна –
пастух, орудие соблазна.

Ворота заперты. В горах
лежат пятнистые пантеры.
Спокойствие – уснувший страх.
а ярость – пробужденье веры.

Здесь кровоточат камни. Там
твердеет ствол. Метаморфозы!
Кровь приливает к лепесткам,
и в зарослях танцуют козы...

Сестра двойного топора
глядит налево и направо.

Пора заклания. Пора
зачатья. Лавровое право!

и если грудь обнажена,
то бедра стягивает пояс...
Темнеет золото руна –
единственное поле боя.

Спеленут древесиной сын
и звездным молоком напоен.
Среди сражений он один
един и – в ярости! – спокоен».

Декабрь 1985

Геракл

1

Грека Геракла дела продиктуй мне, о Муза! Во-первых,
лирою Лина убил на уроке ублюдок и сбёг.
Все обжирался в горах (калачи и сухие консервы)
до восемнадцати лет полубог.

Живо затем пятьдесят милых дев изнасиловав, палкой
он киферонского льва оглушил мимоходом. Шутя,
всем орхоменским послам, олимпийской блистая смекалкой,
поотсекал враз носы, уши, руки, смеясь, как дитя!
Тщательно все нанизав и повесив на шеи, дебил
тотчас же банду набрав, разорил Орхомен, срыл каналы,
пашни залил и луга и, стреножив коней, перебил
спящих мужей, в том числе и отца (но *земного*, каналья!).

Памятник тотчас ему возвели многовратные Фивы.
Храм основали потом. Получил за труды носорез
царскую дочь, но детей и племянников выродок вшивый
в бешенстве всех перебил, сжег и в страхе куда-то залез.
Пифия в Дельфах рекла: «Отправляйся в Тиринф к Эвристею!»
Дюжину подвигов там совершил де герой: вепри, львы,
церберы, птицы... Всего перечислить уже не сумею.
Подвиг меня не подвиг. Муза, выброси из головы!
бедриков много прибил, амазонок прирезал тогда,
правую грудь прострелил волоокой богине и Трою
опустошил полубог, отовсюду сгоняя стада.
И повсеместно слепцы загнусавили гимны герою.

2

Как только Кербера в Микены
Геракл из пекла приволок,
царь жертвы часть (обыкновенный,

не самый лакомый кусок)
дал победителю...

Три сына
взрастил трусливый Эвристей.
И вот гераклова дубина
разбила головы детей.

Октябрь 1987

Гестия

У огня – ни друга, ни врага:
все мы перед девою невинной
белой пирамидой очага
соединены, как пуповиной.

Пепельною горкой посреди
строго соразмерного жилища
горести, Гестия, отведи:
первой же тебе – питье и пища!

Бело-красно-черной полосой
обведен треножник на колесах:
злое слово или взгляд косою
не проникнут за стоящий посох.

Листья лавра, зерна ячменя,
семя конопляное – три части:
будущее с прошлым едины,
дева, отведи от нас несчастье!

Крик осла раздался за стеной,
но светло от угольев горящих:
дикий зверь и человек дурной
до рассвета не отыщут спящих.

Господин еще не очень стар,
и за песни у него в чести я...
Сохрани под слоєм пепла – жар,
разум – под седиными, Гестия!

19 января 1988

Оракул

Вот на треножник пифия садится,
а жрец возносит на Олимп мольбу,

и бычья печень, листья или птица
предсказывают страннику судьбу.

Судьба моя! – ты вся как на ладони.
И в темноте дорога словно мел...
Я не забыл, как надо мной в Додоне
заветный дуб *склонялся и шумел.*

Под пеплом жар во всех скитаньях тлеет.
О чем гадать? Назад не повернуть!
И в темноте отчетливо белеет
единственный и предреченный путь.

Прислушайся! – не бычье ли дыханье?
не шум листвы? Не птичий ли полет?..
Белеет путь. Закончилось гаданье.
И пифия с треножника встает.

13 февраля 1988

Атлас

Чтобы держать
на плечах
небо
надо стоять
на земле